

БУЙВОЛЕНОК ДЛИННОЕ УХО

Джой АДАМСОН.

Имя Джой Адамсон хорошо известно советскому читателю по книгам «Рожденная свободной» [многие видели и фильм, сделанный по этой книге], «Пятнистый сфинкс», «Пиппа бросает вызов».

В издательстве «Прогресс» сейчас готовится к печати новая ее книга — «Африка глазами Джой Адамсон». Книга богато иллюстрирована автором. Многочисленные рисунки, показывающие людей и природу Кении, сопровождаются рассказами о том, как был выполнен тот или иной рисунок. В Кении рисунки Адамсон пользуются большой известностью, они выставлены в Национальном музее, а репродукции с них можно видеть на поздравительных открытках, календарях. Короткие главы рассказыывают о «натурщиках» Адамсон — о растениях, насекомых, птицах, рыбах, львах, обезьянах и других животных. Большая глава посвящена представителям народностей, населяющих Кению.

Предлагаем вниманию читателей отрывок из книги «Африка глазами Джой Адамсон».

Находясь в экспедиции недалеко от границы с Эфиопией, мы поднялись с нашими павьючешными осликами и мулами на гору Кулал. Этот одинокий потухший вулкан, возвышающийся над окружающей пустыней на 2000 метров, постоянно закрыт облаками. В то время как вершина горы часто бывает окутана густым туманом, нижнюю часть склонов опалает нестерпимая жара. Вершина Кулала, покрытая девственным лесом с густым подлеском, стала убежищем для многих животных, особенно для антилоп куду и буйволов. Это хорошо известно местным племенам, и мы прибыли сюда для расследования случаев браконьерства.

Однажды лесничие принесли в наш лагерь поворожденного буйволена, мать которого убили браконьеры. Это был крошечный, очень худой теленок возрастом не старше месяца. Пошатываясь, вошел он в лагерь на своих длинных узловатых ногах. Две маленькие шишки на его лбу — зачатки будущих массивных рогов — были едва заметны. Почти вся его темно-серая кожа и длинные мягкие уши кудечками были покрыты длинными волосами. Мы назвали его «Сегерия Эгиток», что означает на языке племени самбуру Длинное Ухо.

Но что нам было делать с этим трогательным созданием? На горе Кулал мы пред-

полагали провести всего несколько дней, прежде чем начать свой путь через пустыню. А так как Эгиток привык к климату Кулала и прохладной тени леса, мы не решались взять его с собой в этот тяжелый пеший переход по жаркой местности. Джордж сказал, что, может быть, придется пристрелить его. Но разве это возможно? Неужели нет другого выхода? Внезапно у меня мелькнула мысль. А что если попытаться перевезти буйволена через пустыню на верблюде, а затем погрузить его на наш грузовик, стоящий в 250 километрах отсюда? Тогда его можно было бы переправить к нашей ферме у подножия горы Кения, климат которой напоминает климат Кулала.

Этот наш друг давно интересовался вопросом, можно ли скрещивать диких буйволов с домашними. До сих пор он не мог провести эксперимент, так как у него были только самки буйволов. Если бы наш маленький бычок выдержал это путешествие, мы бы не только спасли ему жизнь, но, возможно, помогли бы пролить свет на проблему получения гибридов.

В пользу моего плана был и еще один довод. В нашей свите уже собралось много браконьеров, ожидавших отправки в заключение. Они быстро сокращали наши съестные припасы, и потому надо было отправить их

всех в Барогон, где нас ожидал грузовик. Вместе с ними можно было отослать и буйволена. Единственное, что для этого требовалось, — верблюды для перевозки Эгитока.

Мы попросили местных жителей из племени самбуру ежедневно приносить молоко для маленького и объяснили, что хотели бы на время одолжить дойную корову, двух верблюдов и пастуха для перехода до Барогон. А тем временем мы надеялись подкормить Эгитока, чтобы он окреп перед путешествием.

Буйволенок жадно сосал молоко из бутылки и за несколько дней стал настолько сильным, что свободно мог подбросить вверх человека. Это стало его любимой игрой. Заметив, что кто-нибудь зазевался, наклонившись, например, над ящиком со снаряжением, Эгиток осторожно приближался сзади и, быстро просунув голову между ног своей жертвы, вдруг резко подбрасывал ничего не подозревавшего беднягу вверх, причем так, что тот переворачивался в воздухе, прежде чем упасть на землю. Все наблюдавшие эту игру со стороны находили ее очень забавной и весело смеялись. Смех, казалось, поощрял Эгитока, и он не упускал ни одного случая, чтобы повторить свой трюк.

Несмотря на такие грубоватые шутки, наши служащие любили Эгитока и каждый предлагал ему лучшее

«спальное место» ночью у костра. Я была тронута, видя, как неудобно устраиваются вдали от тепла наши люди, чтобы только предоставить буйволенку лучшее место. Особенно любил его один лесничий, и я часто заставляла его в тот момент, когда он, не думая, что за ним наблюдают, ласкал своего маленького друга и удалял запозы из его толстой кожи».

Кормила Эгитока я. Он, конечно, особенно привязался ко мне и всюду следовал по пятам. Когда мы переносили лагерь, он послушно бежал рысцой за мной, посасывая мой большой палец, который я использовала как своеобразный поводок.

В наших вылазках в окрестностях горы Кулаал мы часто встречали буйволов. Почти всегда наш путь шел через густой подлесок на крутых склонах или вдоль очень узких гребней горы. Поэтому, когда мы встречали на опасной тропе огромных животных, мы спрашивали себя: кто первый свернет с дороги? Меня часто пугали эти колоссы, пристально смотревшие на нас, выставив вперед твердые лбы и

острые рога, однако, к счастью, они обычно поворачивали назад.

После двухнедельного пребывания на горе Кулаал Эгиток стал совсем ручным, и ухаживать за ним стало легче. Он выглядел упитанным, и мы решили, что можем рискнуть отправить его в переход через пустынную местность до Барагон. Самбуру привели нам и дойную корову с телянком и двух верблюдов, которых они все равно собирались послать в Барагон. Итак, для нашего буйволенка все сложилось удачно, и даже проблема, как погрузить и закрепить Эгитока на верблюде, оказалась гораздо проще, чем мы ожидали.

Во время своих кочевков самбуру в качестве выючного седла используют нечто вроде плетеной корзины. Это сооружение состоит из четырех деревянных рам, переплетенных сыромятными ремнями.

Мы выложили корзину травой и прикрепили Эгитока так, чтобы он лежал в люльке. Затем все было погружено на недовольно фыркавшего верблюда. Надзор за буйволенком был поручен

лесничему, и под его подбадривающее «тту-тту» странный караван пустился в путь. Процессию возглавлял запасной верблюд, чей хвост был привязан к шее верблюда, на котором восседал Эгиток, затем шла корова-кормилица со своим теленком, и, наконец, весь этот караван замыкали арестованные браконьеры и их конвой. Мы наблюдали, как караван спускался с горы, пока он не скрылся из виду.

Многие из браконьеров были арестованы за то, что нарушили правила охоты на буйвола, и я подумала, какая проиия судьбы, что к месту наказания их ведет буйволенок, мать которого стала их жертвой.

Спустя несколько недель мы пагнали караван в Барагон, где нам оказали радушный прием. Все гордились Эгитоком. Он выглядел бодрым и веселым.

В конце концов мы доставили маленького бычка нашему другу, чрезвычайно обрадовав его таким подарком.

*Перевод с английского
В. КАН и
Т. МИРОНОВОЙ.*

Хамелеон на ветке.

Цицады-флаттиды, садясь на стебель растения, всегда размещаются в определенном порядке, создавая красивое «соцветие».

Эльса спит.

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Джой АДАМСОН.

Когда я рисовала цветы, птиц и рыб Кении, мое внимание невольно привлекали самые различные аспекты жизни животных и растений. Меня заинтриговали виды живых существ, которых не назовешь иначе, как чудеса природы. К ним относятся некоторые насекомые и ящерицы.

ОБМАНЧИВЫЙ ЦВЕТОК

Некоторые виды прибегают в природе к самым удивительным ухищрениям, чтобы защитить себя от врагов. Меня особенно поразил такой случай: обычная на первый взгляд цветочная стрелка на самом деле оказалась скоплением цикад-флаттид, сидевших со сложенными крыльями. Они располагаются вдоль стебля растения таким образом, что похожи на соцветие. Иногда на вершине стебля теснятся цикады с бледной желтовато-зеленой окраской, но чем темнее их окраска, тем ниже они спускаются, и таким образом в целом создается впечатление увядающего соцветия.

Растение, на котором на рисунке видны цикады-флаттиды, — обычная сорная трава. Она распространяет свои семена с помощью крошечных острых крючков, которые цепляются за все, что задевает их. Поэтому это растение встречается очень часто.

Вот что сказано у Роберта Орди о цикаде-флаттиде:

«В Кении обитает создание, называемое цикада-флаттида... Точнее говоря, то, с чем меня познакомил д-р Лики, было соцветием кораллового цвета в виде кисти, состоящей из множества мелких цветков, как у алоэ или гиацинта. Однако мне еще только предстояло изумиться... Кораллового цветка в природе не существует... Эту форму создало общество цикад-флаттид. Каждый цветок, имеющий продолговатую форму, примерно один санти-

метр в длину, при более пристальном рассмотрении оказывался крылышком насекомого. Колония насекомых цеплялась за мертвую, высохшую ветку так естественно, что создавала впечатление живого цветка, и казалось, что вот-вот вы почувствуете его весенний аромат.

Я все еще не мог прийти в себя от этого удивительного явления, когда знаменитый кениец новыми сведениями еще более усугубил путаницу в моих понятиях о цикаде-флаттиде. Он рассказал мне, что в Кориндонском музее ему удалось разводить целые поколения этих маленьких созданий. И в каждой ежедневной кладке яиц всегда оказывается по крайней мере одно яйцо, из которого развивается создание не с коралловыми, а с зелеными крыльями, а из нескольких яиц появляются насекомые с крыльями промежуточных оттенков.

Я взгляделся повнимательнее. На кончике цветка-насекомого был единственный зеленый бутон. Позади него находилось полдюжины частично распутившихся «цветков», только с коралловыми прожилками. Еще ниже на ветке сгрудилась основная масса цикад — все с крыльями чистейшего кораллового цвета. Таким образом, в целом скопление насекомых производило полное впечатление соцветия, и это скрывало их от глаз даже самых голодных птиц.

...Лики потряс растение. Потрясенные цикады поднялись и замелькали в воздухе. Они, казалось, несколько не отличались от роя мотыльков, которых часто можно встретить в зарослях Африки. Затем насекомые вернулись на свой стебель. Беспорядочно опустились, и на какое-то мно-

вение стебель ожил, пока маленькие создания взбирались, переползая друг через друга. Но это движение не было беспорядочным. Вскоре стебель замер, и снова можно было созерцать цветок. Зеленый «вождь» вновь занял место бутона, а его разноцветные компаньоны расположились позади, заняв свои обычные места. Перед моим взором появился прелестный коралловый цветок, которого не существует в природе».

ХАМЕЛЕОНЫ

К хамелеонам я питаю особую слабость, самые нежные чувства. Для того, чтобы поймать насекомое, хамелеон способен с быстротой молнии выбросить свой клейкий язык, почти равный по длине его телу. Глаза хамелеонов могут вращаться в разные стороны, независимо друг от друга. Два сросшиеся пальца, приспособленные для хватания, противопоставлены трем другим. У них есть также приспособленный для обхватывания ветвей цепкий хвост, который может закручиваться спиралью. Некоторые виды хамелеонов откладывают яйца, а другие яйцезиворождают.

Одни откладывают до срока и более яиц, зарывая их в землю в теплое время года, другие производят на свет нечто похожее на искусно свернутые пакетики длиной в два с половиной сантиметра. Мы наблюдали за одной самкой длиной около тринадцати сантиметров, которая отложила по кругу на расстоянии тридцати сантиметров один от другого тридцать шесть таких пакетиков. Прорывая тонкую оболочку, из пакетиков через несколько минут вылуплялись молодые особи и, еле пере-

Первый отрывок из книги Джой Адамсон см. «Наука и жизнь» № 6, 1976 г.

двигаясь, ползал по своей территории.

Всем известна вошедшая в поговорку способность хамелеонов изменять свою окраску. Американский зоолог Сара Атсат только что окончила работу по изучению хамелеонов, которую вела в течение года. Демонстрируя нам в Кориндонском музее, где мы встретились, как изменяется окраска хамелеонов, она поместила несколько штук в стеклянные сосуды, каждый из которых был накрыт папиросной бумагой разного цвета. Однако, какими бы яркими ни были эти цвета, они не оказали никакого воздействия на хамелеонов. Затем она стучала по стеклу и производила разные шумы, но и это не дало никаких результатов. Потом она попеременно помещала сосуды в горячую и холодную воду, но и резкое изменение температуры не вызвало перемены окраски. Наконец, она по-

местила рядом с сосудами живую змею, и тотчас же хамелеоны приняли очень темную окраску¹.

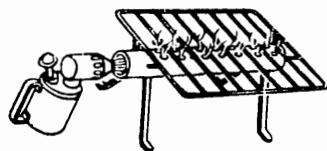
Делая зарисовки трехрогого хамелеона Джексона, я узнала и о других особенностях этих удивительных существ. Мой натуращик был самец, так как у него имелись рога, которые у самок отсутствуют². Чтобы он не смог улизнуть во время сеанса, я посадила его на ветку, закрепив шелковыми нитями.

Общепринятое мнение о медлительности хамелеона ошибочно. Наблюдая многих хамелеонов, я узнала, что они могут двигаться с удивительной быстротой, если хотят скрыться.

¹ Изменение окраски хамелеона — сложный процесс. Она может меняться в зависимости от цвета поверхности, на которой находится животное, а также при испуге (п р и м. р е д.).
² Точнее говоря, у самок рога почти не заметны (п р и м. р е д.).

Что же касается моего натуращика, то он стал моим спутником на долгое время. Я только начала делать зарисовки, как нас вызвали в Марсабит по расследованию дела о браконьерстве. А так как мой хамелеон был великолепным экземпляром и мне хотелось закончить его портрет, я поместила его в ящик с травой и снабдила достаточным количеством живых насекомых во время путешествия. В Марсабите я продолжала рисовать. Но пока я закончила зарисовки, нам пришлось пройти еще километров триста, и бедный хамелеон побывал опять в экспедиции. К счастью, место нашего назначения находилось недалеко от того места, где этот хамелеон жил раньше. Тут мы его и выпустили наконец на волю.

*Перевод с английского
В. КАП
и Т. МИРОНОВОЙ.*

ПОХОДНЫЙ ОЧАГ

Туристские костры в сухую летнюю пору, случается, наносят непоправимый ущерб природе. Между тем можно и отдых сделать комфортабельнее и леса уберечь от порубки или, хуже того, от пожаров. Нужно лишь брать с собой в поход газовые или бензиновые плитки. Предвидим, что на такое предложение сразу посылаются возражения: тяжело, мол, пешему туристу таскать лишний груз. Однако их нельзя признать обоснованными: промышленность выпускает специально для туристов миниатюрные примусы весом менее килограмма.

Для авто- мото-, судо- и прочего моторизованного

туриста это пожелание тем более приемлемо. Взять в поездку несколько лишних килограммов груза для него вовсе не проблема. Он может приобрести более солидную плитку: промышленность производит несколько портативных одно- и двухконфорочных газовых и бензиновых моделей, а также различные примусы.

В дополнение к тому, что выпускают заводы, а главным образом, для тех, кто любит все делать своими руками, мы даем описание еще одной туристской печки, основной частью которой является бензиновая паяльная лампа. Человек, имеющий мало-мальски навык слесарной работы, может сделать такую печку на свой вкус. Паяльную лампу (они выпускаются нескольких моделей) можно приобрести в инструментальных или хозяйственных магазинах.

Печка состоит всего из нескольких деталей: отрезка полтора- или двухдю-

мовой трубы, проволочной решетки и ножек. Трубу заваривают с одного конца и вдоль верхней части поверхности сверлят 3—4 ряда отверстий диаметром 6—10 миллиметров. Количество отверстий и их размеры определяются опытным путем в зависимости от мощности паяльной лампы и размеров трубы (для двух посудин ее длина должна быть 50—70 сантиметров). Вообще все размеры выбираются произвольно, сообразуясь с желаемыми габаритами печки. Ножки и решетку можно приварить к трубе (решетку чуть выше над ней), а можно ради экономии места сделать съемными.

Разожженную паяльную лампу подносят к трубе, мелкие язычки пламени, вырываясь сквозь отверстия, создают большую площадь нагрева.

Печка безотказна в любую погоду — и в дождь и в снег. Желаем приятных путешествий без единого срубленного дерева.

ЛЬВЫ, ГЕПАРДЫ, КОЛОБУСЫ

В книге «Африка глазами Джой Адамсон» известная исследовательница природы Африки рассказывает о природе Кении, о том, как она выполняла рисунки людей, животного и растительного мира этой африканской страны. Это последний из публикуемых нами отрывков из книги [см. «Наука и жизнь» № 6 и 7, 1976 г.]. Книга готовится к печати в издательстве «Прогресс».

Джой АДАМСОН.

ЛЬВЫ И ГЕПАРДЫ

В те годы, когда львица Эльса, а затем гепард Пинпа жили у нас, у меня были исключительные возможности для зарисовки этих прекрасных созданий¹.

Многие часы, когда они играли или спали, я проводила рядом с ними и настолько хорошо изучила их повадки, что вскоре могла распознать малейшее изменение их настроения.

О перемене настроения можно было догадаться не только по тому, какую форму принимали очертания их

губ, как они раздували ноздри или ставили уши и головы, но и по выражению их глаз. У отдыхающих животных глаза были мягкими и теплыми, но при малейшем беспокойстве они мгновенно становились жесткими, а зрачки сокращались до размера булавочной головки. Напротив, когда животные находились в состоянии сильного возбуждения, например, беспокоились о своих детенышах, их зрачки становились такими огромными, что красивая, янтарного цвета радужная оболочка уменьшалась до самой своей границы и становилась похожей на тонкую рамку, на ее месте появлялась глубокая чернота.

Я часто задавала себе вопрос, как круглые зрачки, столь характерные для ди-

ких кошек, могли превратиться в зрачки-щели, свойственные домашним кошкам.

Эльсу рисовать было гораздо легче, чем Пинпу. Гирчина крылась, вероятно, в различии характера этих двух видов животных. Львы, которые являются для меня олицетворением чувства собственного достоинства, очень самоуверенны и, кроме того, ленивы. Гепарды же всегда находятся в очень напряженном состоянии, пачеку. Мне они кажутся поистине воплощением изящества.

И Эльса и Пинпа были очень ласковыми, но Эльса открыто проявляла свои чувства, вероятно, потому, что она принадлежала к животным, которые живут не только в одиночку, но и группами, а Пинпа отно-

¹ О Эльсе и Пинпе Джой Адамсон рассказала в книгах «Рожденная свободной», «Пинпа бросает вызов» и «Пятишестый сфинкс», вышедших несколько лет назад в русском переводе.

силась к животным, ведущим одиночный образ жизни. Она была гораздо более сдержанна и в присутствии посторонних не проявляла свою привязанность.

Однако, когда мы играли все вместе, их объединяло чувство особой осторожности, и они старались не оцарапать меня. Если же печально они все же задевали меня и появлялась кровь, то это, казалось, огорчало их больше, чем меня.

Когда я держала в своей руке лапу животного, она была такой доверчивой, что я с трудом могла представить себе, что эта пещная, бархатная лапа может мгновенно превратиться в пасть орудие убийства.

Подобно всем львам, Эльса, когда ела, придерживала еду передними лапами, а Пиппа, как и все гепарды, сгибала передние лапы, когда ела мясо.

Другая общая черта их характера заключалась в том, что обе они не любили позировать мне. Может быть, они чувствовали, что, когда я рисую их, я отношусь к ним как к натуралисту, а не как к другу.

Мне было понятно их неудовольствие, так как я много раз и позировала для портрета, и рисовала сама, и мне хорошо было известно чувство напряженности и натуры и художника. Когда писали мой портрет, я обычно знала, не глядя на художника или на полотно, какую часть тела зарисовывали, и испытывала такое чувство, как будто меня мысленно анатомируют. И если учесть, что чувства животных значительно острее наших, то вполне естественно предположить, что при аналогичных обстоятельствах они испытывают гораздо большее напряжение, чем человек.

Так или иначе, но Эльса и Пиппа определенно терпеть не могли, когда их рисовали, и в подтверждение этого они обычно отворачивали головы, или закрывались лапой, или уходили прочь, увидев, чем я занимаюсь. Вот почему большинство моих зарисовок показывают их спящими или занятыми едой или чем-либо другим.

Только очень редко мне удавалось рисовать их, когда они смотрели прямо на меня.

Я хотела уловить выражение их взгляда, их принужденные движения, и поэтому мне никогда не удавалось закончить наброски после того, как животное меняло свое положение.

Зарисовки помогли мне ближе узнать и понять обаяние Эльсы, Пиппы и их детенышей.

СЕМЬЯ КОЛОБУСОВ

Когда в 1970 году я приехала на озеро Наншаш, я и не подозревала, что там живет пара обезьян-колобусов. Это довольно не подходящее для них место, так как озеро лежит на небольшой высоте — около 2000 метров, а эти древесные обезьяны обычно предпочитают жить на больших высотах.

Вероятно, эти колобусы были потомками тех обезьян, которые обитали в лесу около озера до того, как его площадь начала сокращаться. Колобусы безжалостно истреблялись из-за их мяса и красивого меха. Сейчас эти обезьяны находятся под охраной, но, несмотря на это, деятельность браконьеров не прекращается.

Колобусы превосходят по красоте всех обезьян, и, когда они прыгают с дерева на дерево, а на их длинную черно-белую пелерину падают солнечные лучи, они похожи скорее на неких сказочных волшебных существ, чем на живые создания.

Однажды, когда Джордж и я смотрели, как обезьяны прыгают между акациями перед нашим домом, ветка дерева обломалась и одна из обезьян тяжело упала на землю с высоты не менее 30 метров. Я очень беспокоилась, не сильно ли она ушиблась. Я искала ее повсюду, но в течение последующих десяти дней мы не видели этой пары обезьян.

Когда они наконец появились вновь, я стала наблюдать за ними и сразу за-

Пиппа заметила что-то интересное. На рисунке слева — спящая Эльса.

метила светлое пятно на руке самки, которое я сначала приняла за синяк. Но, взяв полевой бинокль и взглянув еще раз, я, к своей радости, обнаружила, что это светлое пятно было мордочкой белоснежного детеныша, который укрывался под пелерной матери.

Насколько я могла судить, длина его, считая крошечный хвостик, была сантиметров сорок. Колобус-отец находился рядом со своей семьей, и, пока мать кормила детеныша, он был настороже на случай опасности. Передвигаясь, самка одной рукой прижимала к себе детеныша, а другой хваталась за ветви деревьев.

Мы назвали детеныша Коли. С этого времени я могла наблюдать это семейство почти ежедневно. Пока Коли не стал постарше, его отец всегда был на страже. Когда мать отдыхала и голова ее покоилась на коленях мужа, Коли неуловимо ползал вокруг них. Мать и детеныш были настолько неразлучны, что казались единым целым. Обезьяны ели рано утром и после четырех часов, а спали в полдень и

● ЛИЦОМ К ЛИЦУ
С ПРИРОДОЙ

ночью — от сумерек до рассвета.

Сочные листья крестовика выщегося были любимой пищей обезьян, но им нравились также ягоды и молодые побеги перечных деревьев, которые были очень давно завезены людьми в окрестности озера Навиша. Ели они и листья густого подлеска.

Когда Коли исполнилось два месяца, его кисти и стопы стали черными, а руки, лицо и голова серыми. Тонкая белая полоска отделяла брови от остальной части головы и соединялась с белой шерстью, окаймлявшей шею и подбородок.

При прыжках обезьян с дерева на дерево Коли плотно прижимался к животу матери. Они очень любовно относились друг к другу, во время длительных передышек между прыжка-

ми подолгу смотрели друг на друга и обнимались. Мать постоянно чистила своего детеныша, а он обвивал руками ее шею. Насколько я могла установить, Коли никогда не дотрагивался до своего отца.

Постепенно семья колобусов стала чувствовать себя совершенно спокойно в моем присутствии. Я могла приближаться к ним на расстоянии в тридцать метров, но они никогда не спускались низко. От земли их всегда отделяли по крайней мере метров десять. Отец Коли вел себя более осторожно, чем мать, которая явно доверяла мне, она даже позволила мне сфотографировать ее с маленьким Коли на коленях. Незнакомых людей обезьяны боялись, и нередко, когда к нам кто-нибудь приходил, они не показывались в течение нескольких дней.

К тому времени, когда Коли исполнилось три месяца, на кончике его хвоста появилась белая кисточка. Он уже мог прыгать вокруг своих родителей или, держась за мать, схватить небольшую ветку, на которой он обычно раньше мог только беспомощно висеть, и совершить прыжок.

Отец Коли стал играть более активную роль в его воспитании: он садился на расстоянии около метра от супруги, согнув плечи, которые Коли использовал, как прекрасную подкидную доску для прыжка на плечи матери. Так, без всякого риска маленькая обезьянка училась прыгать на небольшие расстояния. Родители Коли, будто по обоюдному согласию, постепенно увеличивали дистанцию между собой, приучая Коли определять безопасное расстояние для прыжка. Они обычно сгибали свои спины под таким углом, чтобы Коли мог легко сползти вниз. Особенно долго сидела, сгорбившись, мать Коли, но если ее отпрыск плохо выполнял упражнения, она шлепала его.

Обучение проходило в полном молчании. Обезьяны колобусы — тихие создания, и если они подают голос, то это красивые глубокие звуки, непохожие на звуки, издаваемые любой другой обезьяной, разве что они напоминают пение обезьян ревунов.

Когда отец хотел позвать Коли, он обычно сначала издавал щелкающие звуки языком, а затем, низко согнувшись, начинал реветь, резко подергивая при этом головой. Рев длился в течение пяти или десяти минут. Мать тоже часто присоединялась к нему, но она редела не так долго и громко. Если Коли был чем-то напуган, он пищал, и, услышав этот звук, один из родителей, тот, кто был ближе к нему, сразу спешил на помощь.

В пять месяцев шерсть Коли оставалась все еще очень пушистой, но уже приобретала окраску, характерную для взрослой обезьяны. К этому времени Коли передвигался само-

стоятельно, хотя еще не мог лазать по деревьям со слишком толстыми стволами. Для того, чтобы помочь ему, один из родителей усаживался на ветви, свесив свой хвост с таким расчетом, чтобы Коли мог его достать. Схватив хвост, Коли подтягивался, а затем взрослая обезьяна передвигалась выше, и все повторялось снова.

Бывали случаи, когда Коли не удавалось справиться с толстым стволом, и, так как поблизости не было спасительного хвоста, он переходил на более тонкое дерево, добирался до его вершины, и уже оттуда прыгал на более толстое дерево. В этих случаях отец иногда взбирался на дерево раньше него, и, когда они встречались, Коли обычно использовал плечи отца как трамплин, с которого он съезжал вниз на плечи матери, поджидавшей его внизу.

Маленький Коли был вечноп занят — вертелся, крутился, свисал и кувыркался на ветке, за которую держался одной рукой, или перескакивал на другие деревья. Он любил гримасничать и иногда вырывал листья прямо изо рта своих родителей, за что всегда получал заслуженный шлепок.

Коли не потребовалось много времени, чтобы понять, когда именно я хочу его сфотографировать, и он старался избежать этой процедуры. Завидев меня с фотоаппаратом, он сразу исчезал или прятался за дерево, из-за которого выглядывал, и снова прятался. Как

только я теряла терпение и уходила, он моментально появлялся и выделял потрясающие акробатические трюки, с таким выражением на мордочке, как будто говорил: «А теперь сфотографируй меня, если сможешь!» Но если я возвращалась, он тут же вновь мгновенно исчезал. Я очень любила эту маленькую обезьянку и ее родителей.

Когда Коли было тринадцать месяцев, мне предстояло съездить в Национальный парк Меру почти на три недели. Я с грустью даже на такое короткое время покидала эту счастливую и неразлучную семью колобусов.

Когда я вернулась, мне сказали, что за последние две недели видела только Коли и одного из его родителей. Я провела целый день в поисках другой обезьяны и наконец увидела ее высоко на дереве, росшем недалеко от моего жилья. Она, казалось, держалась за ветку, но, когда я подошла поближе, не пошевелилась. И тут я поняла, что это отец Коли, и что он мертв.

Ствол акации, на которой он находился, был таким гладким, что мы не могли взобраться наверх, но в конце концов мы сняли обезьяну, передвигая ее тремя связанными бамбуковыми палками. Пока мы занимались этим, я нашла пустую патронную гильзу.

Осматривая тело, которое вышло и превратилось в мумию, я увидела, что оно изрешечено пулями. Голова обезьяны была откинута назад, а по положению рук

можно было догадаться, что она что-то сжимала.

Через два дня я обнаружила Коли и мать около этого дерева. Они, казалось, были убиты горем. Вскоре обезьяны ушли в лес. Они очень нервничали и боялись даже меня, хотя еще совсем недавно я пользовалась их доверием. Теперь, когда мать Коли замечала мой взгляд, она отворачивалась, а Коли прятался в ее шерсть. Никто из них больше не играл, и после еды они подолгу сидели, обнявшись, и смотрели в пространство. Их молчаливое горе было настолько сильным, что я едва могла его вывести. Однажды, наблюдая за ними, я сделала набросок — первый со времени моей автомобильной катастрофы, происшедшей два года тому назад.

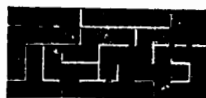
Я обратилась в Департамент охраны животных и в полицию с просьбой найти браконьера, который должен был понести наказание за убийство обезьяны. И они нашли его.

Вскоре мне предложили привезти к озеру другого колобуса, который мог бы заменить отца Коли. Коли и его мать были очень преданы друг другу, и я почувствовала, что такая замена может испортить их отношения. Животные часто сами лучше всего способны разрешить свои проблемы, и без крайней нужды не следует вмешиваться в их жизнь.

*Перевод с английского
В. КАН
и Т. МИРОНОВОЙ.*

● ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Тренировка
геометрического
воображения
и умения мыслить
логически

ЛЕСЕНКА

Из 11 элементов пентамино можно сложить прямоугольник 5×11 . Двенадцатый элемент остается за бортом. Причем исключить можно любой из 12 элементов пентамино.

Попробуйте решить аналогичную задачу для фигуры «лесенка».

Нам известны решения, в

которых за бортом остается 10 из 12 элементов. Без двух элементов, изображенных ниже, лесенку построить не удалось, и нам неизвестно, решается ли задача без них.

